

Комната была погружена в темноту, освещаемая лишь мягким свечением экрана ноутбука.

Мужчина лет двадцати пяти, Александр Гектор, сидел среди возвышающихся вокруг книжных полок, на которых стояли бесчисленные тома. Это были не просто книги, а кирпичики башни, которую он построил в погоне за знаниями и лекарством от своей пожизненной инвалидности.

Инвалидное кресло, молчаливый спутник в его путешествии, служило суровым напоминанием о физических границах, которые определяли существование Александра.

Однако экран ноутбука, стоявший перед ним, хранил ключ к недоступным для него мирам. На нем показывались герои "Наруто", и их приключения были бальзамом на раны от его собственных ограничений.

Докторские степени по медицине украшали стены, как молчаливое свидетельство его гениальности.

Александр стал одним из самых уважаемых исследователей в мире, несмотря на свой юный возраст. Его работы в области медицины и смежных дисциплинах заслужили всеобщее признание, но лекарство, которое он искал для себя, оставалось недостижимым.

Когда мужчина завершил просмотр последнего эпизода "Наруто", в его душе поселилось странное спокойствие. Казалось, его физическое тело растворилось в тени, слившись с просторами Вселенной.

В этот момент он прошептал космосу слова благодарности, молчаливое признание хорошо прожитой жизни.

Комната превратилась в вихрь теней. Тайные символы появились вокруг, пульсируя эфирной энергией. Сознание Александра, словно лист, попавший в космический шторм, оторвалось от привычного, и устремилось в неизвестность.

Когда сознание вернулось, оно уже не находилось в пределах своего инвалидного кресла или тускло освещенной комнаты.

Вместо этого воздух вокруг наполнился воплями, и его окутало тепло. Александр, возрожденный из алхимии теней, открыл глаза, глядя на яркие пейзажи Деревни Скрытой в Листе.

Тени Александра остались в глубинах сознания Казуки в виде наследия, перешагнувшего границы жизни и смерти. На смену комнате с докторскими степенями пришла комната в Конохе, а приключения только начинались.

Больница Конохи, некогда оплот исцеления, теперь напоминала кошмарный медицинский бункер после нападения Девятихвостого. В воздухе витал едкий запах горелой плоти и металлический привкус крови.

Импровизированные кровати были завалены ранеными жителями, симфония стонов и криков эхом отдавалась в переполненном помещении.

В центре этого хаоса лежала маленькая хрупкая фигурка - трехлетний ребенок, сильно израненный и весь в бинтах.

Резкий свет флуоресцентных ламп освещал тяжесть его ран, а на невинном личике ребенка была написана агония. Импровизированная кровать, жестоко контрастирующая с тяжестью травм, почти не давала комфорта.

Медицинский персонал, одетый в запятнанные некогда белые халаты, двигался с бешеной скоростью. Их лица, испещренные усталостью и решимостью, говорили о неустанной борьбе со временем и непреодолимыми потерями.

Каждая наложенная повязка и каждая введенная доза лекарства казались тщетной попыткой подавить нарастающий поток страданий.

На стенах больницы виднелись шрамы от разгула Девятихвостого. Разбитые окна, потрескавшаяся плитка и следы от ожогов рассказывали о страшной истории разрушений.

Некогда стерильная обстановка теперь отражала ужасающую реальность агонизирующей деревни.

Шли минуты, и число жертв неумолимо росло. Медицинский персонал, несмотря на все свои усилия, сталкивался с непреодолимым потоком раненых.

Ребенок на импровизированной кровати хныкал, но этот душераздирающий звук терялся в какофонии. Медсестры работали со стоической решимостью, их руки двигались механически, но глаза выдавали тяжесть каждой жизни, которую они пытались спасти.

В углу мать прижимала к себе безжизненное тело ребенка, по ее лицу текли слезы. Рядом медик качал головой, не в силах оживить еще одну погибшую душу. Комната превратилась в полотно отчаяния, где надежда мерцала, как умирающий уголек среди всепоглощающей тьмы.

Снаружи деревня продолжала бороться с последствиями. Дома лежали в руинах, а улицы были запачканы кровавыми воспоминаниями о той ночи. Нападение Девятихвостого нанесло урон не только ландшафту, но и коллективному духу Конохи.

С наступлением рассвета, пробивающегося сквозь разбитые окна, больница Конохи оставалась

прибежищем страждущих. Медицинский персонал продолжал работать, движимый чувством долга, но преследуемый неумолимыми отголосками ночи.

Дом клана Нара, традиционное строение с ярко выраженным сочетанием дерева и земли, пережил последствия нападения Девятихвостого, получив только следы копоти и небольшие повреждения.

Комплекс Нара, обычно являющийся местом спокойствия, после случившегося тоже понес на себе груз печали.

Шикаку Нара, нынешний глава клана, устало шел по коридорам кланового дома. Его некогда бодрые глаза, под которыми залегли тени усталости, свидетельствовали о том, как сильно на него подействовала недавняя трагедия.

Зал собраний, обычно служивший местом стратегий и размышлений, был удушлив как никогда. По столу были разбросаны карты и свитки - остатки попыток планирования и восстановления.

Руки Шикаку, обычно твердые, теперь дрожали, когда он передвигал фигуры на карте. Потери, понесенные Нара, запечатлелись в каждой черточке его лица.

Опустившись в потертое кресло, мужчина задумался о младшем брате, гениальном шиноби, чей потенциал был уничтожен в творящемся хаосе. Жена брата, токубецу-джонин с необыкновенным сродством к Инь, доблестно стояла рядом с ним, жертвуя собой ради защиты деревни.

Тяжесть их жертвы давила на грудь Шикаку, как неподъемный валун.

Комната, тускло освещенная единственным фонарем, отбрасывала длинные тени, которые танцевали в меланхоличном ритме в такт мыслям главы клана.

В воздухе витал запах стареющего дерева, смешанный с ароматом погасших свечей. В атмосфере ощущалась печаль, осязаемая, словно призрак, прилипший к стенам.

Пальцы Шикаку провели по краю фотографии, лежащей на столе. На ней был запечатлен момент радости, воспоминание, казавшееся далеким и нереальным на фоне нынешней печали.

Яркая улыбка брата и теплота в глазах его жены застыли во времени, болезненно напоминая о том, что было потеряно.

Тишину в зале нарушили приглушенные всхлипывания, и Шикаку понял, что они исходят от него самого. Он был столпом, стратегом, который вел свой клан через бесчисленные испытания, но эта трагедия разрушила стоический фасад.

Слезы потекли свободно, давая выход горю, которое поселилось в его сердце, как гноящаяся рана.

<http://tl.rulate.ru/book/101433/4459120>